

ОБРАЗ ТУРСУНБАЯ: ТРАГЕДИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА, ДЕЗЕРТИРСТВА И УТРАЧЕННОГО ДОЛГА

Автор: Ходжаев Комилхон Юнусович¹

Аффилиация: Доцент кафедры прикладных иностранных языков, Андижанского государственного педагогического института¹

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15202461>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена роману-трилогии известного узбекского писателя XX века Саида Ахмада «Горизонт» и дан анализ по отношению к одному из главных отрицательных героев трилогии образу Турсунбая. В статье рассказывается о Турсунбае, как о «лишнем человеке в обществе», исходя из его описания в данном романе. О его характере и мировоззрении, и главное, о его отношении к своим родителям, друзьям, о его месте и роли в обществе, об испытаниях судьбы в его несчастной жизни. Эти аспекты могут объяснить причины его вины, с которыми читатели могут ознакомиться.

Ключевые слова: измена, предательство, верность, родина, война, мотив, конфликт, вина, искупление

Образ Турсунбая в романе-трилогии Саида Ахмада «Горизонт» представлен как олицетворение слабости, эгоизма и нравственного разложения. Он не просто дезертир, но человек, который сознательно противопоставил себя обществу.

О Турсунбае мы узнаем, как о единственным сыном Икромджана и Джаннат и что Джаннат родила восемь детей, но лишь одного смогла выводить. Он стал их радостью и гордостью. С детства Турсунбай рос избалованным и нежным мальчиком. В отличие от других деревенских ребят он не помогал родителям по хозяйству, но те и не настаивали. Лишь изредка, играючи, приносил матери дрова или подметал двор, но быстро терял к этому интерес. Мать же берегла его от любой работы, выполняя всё за него и ласково приговаривая: «Миленький мой, родной, пусть твоя жизнь будет сладкой!».

Даже когда сын вырос и стал юношей, родители продолжали заботиться о нём, как о малом ребёнке. Куда бы они ни отправлялись — на свадьбу или в гости — неизменно возвращались с угощениями для своего единственного чада. Всё их счастье было сосредоточено в нём: он рос здоровым, крепким, всегда находился рядом, под их присмотром. Если Турсунбай заболел, отец и мать забывали о сне, ночи напролёт проводя у его изголовья. Так они холили и лелеяли его, связывая с ним своё настоящее и будущее.

Такое воспитание сыграло ключевую роль в формировании характера Турсунбая. Родительская чрезмерная опека и отсутствие трудового воспитания сделали его капризным, избалованным и ленивым. Он не знал лишений, не

приучен был к ответственности и труду, что впоследствии повлияло на его поступки и жизненный выбор. Родители, ослеплённые любовью, стремились оградить сына от трудностей, но тем самым лишили его стойкости, самостоятельности и чувства долга. В конечном итоге их мечты о счастливом будущем Турсунбая оказались иллюзорными, а их единственный сын — чужим для них и для общества.

Турсунбай действительно был статным и привлекательным юношей — крепким, хорошо сложенным. Он всегда следил за своим внешним видом: никто никогда не видел его неряшливым или небритым. К девушкам он относился с высокомерием. Порой, заключив пари с друзьями, он договаривался о встрече с какой-нибудь из них, но сам не приходил. Нарядившаяся и полная ожидания девушка оставалась в одиночестве, тщетно надеясь на его появление. Вместо него приходил один из его приятелей, бросал на нее оценивающий взгляд и, посмеиваясь, уходил. А Турсунбай тем временем наслаждался своей победой в споре. Его отношение к Зебинисо и ненависть ко всему окружающему подчеркивают его моральное падение. Он воспринимает чужие усилия и чувства с завистью и злобой, не пытаясь изменить себя, даже не делает попыток оправдать свое бегство из эшелона какими-либо высокими чувствами или внутренними муками совести. Этот персонаж вносит важный контраст в роман, противопоставляя себя трудовому народу, чья стойкость и преданность Родине становятся еще более выразительными на его фоне. Его бегство из эшелона — это не только физическое уклонение от войны, но и символическое отречение от гражданского долга. Он наблюдает за жизнью людей, которые самоотверженно трудятся ради общей победы, но сам остается в стороне, не желая быть частью этого мира. Его затворничество в камышах — это метафора внутренней изоляции, бегства не только от войны, но и от ответственности, от жизни как таковой. Одичав и озверев, как некое существо, теряет веру на все ценности и прелести жизни.

Порой, читая роман, а именно те моменты, которые рассказывают о скитаниях и мучениях этого персонажа, когда ты углубляешься в сюжет и видишь то, что происходит, на некоторое время появляется по отношению к нему чувства жалости, сострадания и даже милосердия. Но это на некоторое время. Почему, потому что его омерзительные отношения к окружающим, к любящей его девушке, к собственным родителям, которые породили его, воспитали, лелеяли, души не чаяли по нему, его эгоизм и слабоумие и тому подобные выходки в миг перечеркивают и стирают из нашего сознания такие высокие духовные ценности, как милосердие, сострадание и понимание.

Многие говорят, что так устроен мир. Нет, мы так не считаем. Человек сам кузнец своего счастья, только надо правильно выбирать направление удара «молота», учитывая последствия содеянного.

Когда Турсунбай сидел у камышового шалаша в глухом месте, в самой чаще, обхватив руками колени, он стал похож на нищего. Он давно ни с кем не говорил, не знал, что делается на свете, давно не мылся, и его истрепавшееся грязное пальто заменяло ему и матрац, и одеяло. Его красивые когда-то глаза, которые так нравились девушкам, смотрели теперь уныло, равнодушно. Когда над камышами пролетали журавли, Турсунбай вспоминал о многом, они принесли на крыльях

весну, но даже весна не растопит лед в его сердце, не разогреет кровь. К нему весна не придет. Каждый день он издали, из своего укрытия, видел работающих людей, видел, как один парень, незнакомый, чужой усердно ухаживает за его невестой. Они долго общались между собой на песчаном холме. Он их слышал, а окликнуть не мог, ему запрещено, словно прокаженному, которому запрещено ходить к людям, нельзя выходить из-за ограды. Он тоже жил сейчас как прокаженный. Он должен жить здесь, в шалаше, не видя людей, один. И сколько еще придется жить так? Кто знает. Возможно, этот вопрос и возникал у него, но он гнал его прочь. Он чего-то ждал. И сам не знал чего. А ждал он не рассвета, не судьбы, прежде всего он ждал еды, которую приносила мать. Пожалуй, у него и не осталось иных желаний.

Турсунбай видел, как Зебинисо шла рядом с незнакомым парнем, а он держал ее за руку. Он видел все. Он забыл и о голоде, и о жажде. Он был как помешанный, не разбирая дороги, увязая в болоте, брел в свой холодный шалаш, напоминающий волчью конуру. Он отказался от всего на свете, но от Зебинисо отказаться не мог. В нем все еще жила надежда на встречу с ней — смутная, неясная, но он не в силах был расстаться с этой надеждой. А теперь он лишился и ее. Последнего, что еще связывало его с той, прошлой жизнью. Он постоянно думал о ней, о своей любимой, видел ее — сказочную, прекрасную, мысленно целовал ее. Но теперь все кончено! Нет теперь ничего, что было бы дорого Турсунбаю. Ничего! Что ж, проживет и без этих чувств. Он предал родину, предал мать, обрек себя на существование зверя — значит, можно прожить и без любви...

У Турсунбая осталось только одна надежда на выживание - это его мать Джаннат, которая приносила ему еду и чистую одежду, не взирая ни на что. Но материнские чувства сострадания, милосердия оказались трагичными, психологическая травма привели ее к смертельному исходу. Мать плакала. Она чувствовала, как сердце ее медленно разрывается на части. Что делать, что же делать? Как спасти сына? Неужели все кончено? Неужели ничего нельзя сделать? Ее сын изгнанник. Все двери перед ним закрыты. Его приютили лишь эти заросли, этот шалаш. Но и сюда придут люди. Мать плакала. «Аллах,—шептала она,— неужели и ты отказываешься помочь, неужели я так грешна перед тобою?»... Уже краснел горизонт, когда приехавшие колхозники понесли гроб. Он видел, как несут гроб, но, лишь разглядев отца, подпоясанного траурным платком, все понял. Весь день он ждал мать. Она должна была принести ему еду. Неужели она умерла? Что же ему теперь делать? Кто принесет ему поесть? Он не осознавал, что матери больше нет. Думал лишь о себе. Как же он будет жить? Что с ним теперь станет? Он не думал о том, что стоит в камышах и смотрит, как мимо несут в гробу тело матери. Не он хоронит ее, не он стоит у ее могилы. Он, как волк, выглядывает из зарослей. Разве думала когда-нибудь мать, что сын не заплачет над ее гробом, не бросит в могилу горсть земли? Чужие люди несли ее гроб, а он стоял здесь и не имел права сделать хоть один шаг, чтобы приблизиться к могиле...Турсунбай остался без обеспечения провизии, его больше всего волновало именно это.

Выйдя на охоту, Икрамджан натывается на человека и сразу не узнает его. Длинные, почти до плечей, волосы, рваная одежда, вспухшее от укусов комаров лицо, худой, черный, он едва волочил ноги. С годами люди меняются, стареют. Не

меняются лишь глаза, они могут потускнеть, но остаются прежними. Икрамджан до боли напрягает зрение и узнает. Глаза! Глаза его родного сына, глаза Турсунбая.

Икрамджан окликнул его, Турсунбай не пошевелинулся. Опираясь па костыль, Икрамджан идет к нему. Турсунбай молча отступил на несколько шагов. Движения его напоминали движения дикого зверя. И на самом деле Турсунбай одичал. Уже давно он не слышал человеческого голоса, не пробовал человеческой еды. «Сын»,— прошептал Икрамджан. Турсунбай остановился. Отец подошел к нему и, забыв все на свете, прижал его к груди. Костыль упал на землю. Он стоял на одной ноге, он гладил плечи сына, целовал его лоб. Потом почувствовал отвратительный запах грязи, пота и невольно отстранился. Но когда не удержав равновесия Икрамджан упал, сын не помог ему подняться. Опираясь на локоть, он встает сам и растерянно смотрит на сына. От неожиданности он не знал, что делать, что сказать. И за это короткое мгновение он вспомнил многое. Вдруг понял, почему жена так часто ходила в заросли за дровами. И внезапно почувствовал отвращение к этому получеловеку-полузверю. Вспомнив свою жену Джаннат, услышав от сына, что наблюдал из далека как несли гроб матери, Икрамджан почувствовал, как рванулось его сердце. Он с силой ударил сына единственной ногой. Турсунбай опрокинулся на спину. Он еще не успел встать, как Икрамджан подполз к нему и стал бить по лицу, по голове. У Турсунбая не было сил защищаться. Слишком долго он голодал. Икрамджан бил его, бил и кричал: — Какая у тебя была мать, знаешь? Какая она была, проклятый! Ты видел, как ее хоронили, и смотрел издали, зверь. Ты не бросил горстки земли в ее могилу. А она из-за тебя умерла, из-за тебя. Ты убил ее. Убил и не похоронил, подлец! — Ты смотрел, как люди несут ее, несчастную. Она все глаза из-за тебя выплакала, согнулась, сморщилась, и все из-за тебя. Ты украл у нее жизнь, украл дневной свет. Как она тебя любила! Лучше бы мы собаку вырастили, она хоть умела бы быть благодарной. Я тебя на плечах таскал. Лучше бы я умер, не дожид до такого позора. Ты предал всех. Предатель, подлец». встань сейчас же. Когда же Икрамджан решил выставить Турсунбая перед судом народа, он с ужасом убегает. И тогда Икрамджан сорвав с плеча винтовку, дрожащими руками направляет ее на сына и прицеливается. «Господи, хоть бы не попасть!» Выстрел, словно крик хищного зверя, огласил степь и еще долго висел в воздухе. Икрамджан открыл глаза и увидел, как Турсунбай бежит, раздвигая руками камыши. Не попал! Он снопа вскинул ружье, но на сей раз выстрелил не целясь. Второй выстрел вспугнул птиц, и они, взлетев в небо, наполнили степь тревожным гомоном.

После этого страшного дня Икрамджан не знал покоя. Каждый рассвет он встречал в дороге, бродя по пустынным просторам, взывая к сыну, надеясь хотя бы раз услышать его голос, хотя бы раз взглянуть ему в глаза и умолять — искупить свой позор, вернуть честь. Он шел сквозь холод и зной, тьму и свет, шагал, не ведая усталости, ведомый одной лишь надеждой.

И вот, углубившись в камышовые заросли, он наткнулся на жалкий шалаш. Сердце сжалось в предчувствии. Внутри, свернувшись калачиком, неподвижно лежал Турсунбой, укутав голову в лохмотья. Он был уже далеко — дальше, чем степь, чем война, чем все, кого он знал и кто когда-то знал его. Дальше даже, чем отец, зовущий его сквозь отчаяние.

Икрамджан бросился к нему, обнял, словно мог согреть своим теплом, мог разбудить... Но тело сына было холодным, безжизненным. Отец гладил застывшие плечи, слезы крупными каплями стекали на замершее лицо. Он плакал, как никогда прежде, — беззвучно, горько, будто хотел оставить здесь, в этих слезах, всю боль, всю скорбь, все несказанное.

Жизнь Турсунбая оборвалась, растворилась в бесконечности, как песчинка, унесенная ветром. Осталась лишь скорбная тень — его тело. Но для Икрамджана это был не просто мертвец, а все еще его сын. Он смотрел на застывшее лицо и вдруг ему показалось — нет, привиделось! — будто Турсунбай просто спит, как в далеком детстве. И черты его лица, в свете уходящего дня, были по-детски спокойны...

Судьба распределила все на свои места. В конце концов всему есть конец и свой предел. Турсунбай умер, так и не найдя смысла жизни, так и не осознав своих ошибок. Он потерял все: Родину, семью, любовь, даже самого себя. Он умер, оставшись никем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саид Ахмад: «Горизонт». Трилогия. Перевод с узбекского. Изд. Москва Советский писатель 1986 г. 544 стр.
2. Ёрмат Рустамов, статья «Его оценил Абдулла Каххар» от 10.06.2020 г.
3. Саид Ахмад Архивная копия от 30 августа 2014 на Wayback Machine (узб.)
4. Биография Саида Ахмада. Arboblar.uz
5. Ходжаев К. Ю, komilhodjayev1964@gmail.com Научная статья на тему: «Мотивы измены Родине в романе-трилогии Саида Ахмада «Горизонт».
6. Саид Ахмад роман «Уфк», год издания: 2015, Издательство: «Янги Аср Авлоди».
7. <https://www.livelib.ru/author/533648/top-said-ahmad>